

Мелякова Ю. В. Особливості побудови сучасного правового дискурсу / Ю.В. Мелякова // Філософія комунікації: інтелектуальні системи та інформаційні технології в освіті: збірник тез до Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Дніпропетровськ: Інновація, 2014. – С.72-75. (0,3 друк. арк.)

Мелякова Ю.В.

Особливості побудови сучасного правового дискурсу

Проаналізовані методологічні труднощі здійснення правової регуляції автономізованих структур, що самоорганізуються (суспільства, дискурсу, наративу, будь-якого інформаційного простору тощо). Правовий наратив досліджується в рамках тропологічної теорії дискурсу. Обґрунтовується доцільність відходу від дедуктивно-номологічного оповідання та пояснення права у бік дискурсивної трансгресії правових смислів. Пошук консенсусу справедливості й законності здійснюється в галузі юридичних мови і тексту.

Ключові слова: *нарративний дискурс, метаправо, динамізм права, тілесність права, інтертекстуальність, семантика смислоутворення.*

Реальность права представляет собой одну из значимых областей информационно-коммуникативного пространства современной культуры. Поэтому правовой дискурс сегодня должен воплощать все особенности организации и функционирования глобальных самоорганизующихся открытых систем. Новейшие культурные тенденции преобразования языковых тропов от повествования к дискурсу не могут существенно не повлиять на семантику и герменевтику права. Особую **актуальность** на этом фоне приобретают связанные с этим проблемы правопонимания, в частности онтологического статуса права в виртуальном мире коммуникации, а также его оптимальной языковой формализации на различных этапах правоприменения.

Целью данного исследования является предварительная расстановка акцентов в ходе деконструкции речевых и текстовых структур права в сторону дискурсивно-коммуникативного поля, организованного на принципах интересубъективизма и смысловой креативности.

Характерной особенностью деконструктивной интерпретации права является смещение смыслотворческой инициативы от автора юридической нормы к её применителю. Освоение техники нарративного дискурса предполагает интерактивное состояние субъекта понимания. Когда в современной философии права идёт речь о дискурсивной природе и одновременно либерализации права, то предполагается, что правовое поле есть поле высказываний. Постмодернизм позволил выявить деконструктивные возможности правового нарратива. Нарратив – это модель повествования. В XX в. структура и принципы литературного и исторического нарративов изменились, что выразилось в таких повествовательных семантико-синтаксических моделях и явлениях как интертекст, между-текст, центонный текст, метатекст, полинарратив, перформанс, некомментируемое повествование, деконструкция, грамматология и т.п. [1;2;3]. Основным акцентом данных явлений сводится к приданию тексту новой функции, а именно замене комментария смыслотворчеством.

Новый нарратив – это открытый текст без сюжетной фабулы. Это динамическое пространство смыслообразования, возможности которого обусловлены грубой стыковкой асинхронных поливалентных высказываний. Смысл как бы сквозит сквозь расщелины эпох, культур и традиций, языков и наречий, символов и метафор, контекстов и мнений. В ходе деконструктивного анализа правовых текстов главный вопрос заключается в том, насколько эта модель метанарратива приемлема для права, и если приемлема, то на какой стадии его реализации наиболее эффективна? Герменевтико-феноменологический анализ правовых текстов (нормативных материалов, законов, материалов судебной практики и материалов следствия) позволяет говорить о них как о юридическом метатексте в значении открытого центонного знакового пространства. Техника интертекстуального чтения и интерпретации нарратива основывается на субъективном выборе интерпретатором текстов-предшественников (или норм), имеющих эксклюзивное значение в каждом конкретном в каждом конкретном акте

прочтения правового нарратива. В этом смысле любой юридический текст всегда вторичен и предполагает ссылку на закон.

Правовая наука до сих пор в меньшей степени интересовалась самим текстом, чем тем, следом чего он является. Философский постструктуралистский подход к повествованию позволяет выявить способы функционирования письма и процессы производства смыслов, а главное, достичь понимания того, что смысл права не задаваем его прагматично-позитивистским критерием и даже не сводим ко множеству индивидуальных смыслов, а фабрикуется в самом процессе референции эмпирических событий, более того, совпадает с поиском самого этого смысла. Исходя из теории трансгрессии (вечного перехода и становления), можно утверждать, что правовая справедливость – это не результат, а процесс.

Подмена достижения справедливости её производством на первый взгляд противоречит официальному предназначению правосудия. Новая его функция усматривается в многослойном и незавершённом дискурсе справедливости, в котором не находится места приговору. В этом смысле любой приговор несправедлив, поскольку жизнь не стоит на месте, а опыт не стабилен, и последующие события могут коренным образом изменить значение и смыслы прошлых событий, за которые люди уже понесли наказание. Таким образом, приговор-осуждение сохраняет исключительно карающий смысл права, утрачивая интегративный его смысл. В праве (в отличие от литературы, истории и искусства) дискурсивная природа относительна. Она характерна праву лишь на определённом этапе – этапе поиска справедливости. Вопреки литературному и историческому, правовой интертекст (например, в форме судебного решения) не может остаться незавершённым, открытым для понимания. Правовой нарратив требует окончательности и закреплённости смысла, однозначной и конкретной позиции автора, поскольку влечёт однократные и необратимые последствия. И хотя неоднозначность справедливости очевидна, тем не менее, формальная юридическая

справедливость одна. Дискурсивный же нарратив является проходящим, но всё же необходимым этапом в осуществлении права.

Нарративная природа судебного приговора по своей сути не телесна. Приговор есть событие поверхности, формализованное переплетение суждений по алгоритмам закона. Языковые машины, по словам структуралистов, вращаются в пустоте, порождая смыслы как фикцию [4;5]. Состояния вещей являются не единственными основаниями для утверждений по их поводу. Утверждения так же окрашены мировидением субъектов, их высказывающих, обстоятельствами их формирования, возможностями языка. Разнообразие утверждений влечёт столкновение смыслов, что есть парадокс. Так, на пике роковой парадоксальности противостоят друг другу два вида нарратива-приговора: обвинительный и оправдательный. Они соотносятся как несовместимые и взаимоисключающие результаты правосудия. Именно они влекут ожидаемую телесность права и являются гарантией правоприменения. Однако, при этом “обвинение” и “оправдание” – по сути, просто утверждения, а как заметил П. Рикёр, утверждение – это дело языка [6].

Так, посредником между событиями, которые уже произошли и не повторятся, и событиями, которые станут реакцией правосудия на произошедшее (наказание или оправдание), является нарратив (приговор): концептуализированный или перформативный, документализированный или вымышленный, справедливый или несправедливый. Следовательно, эффективность правосудия во многом обусловлена формой наррации и устной речи. Наследуя П. Рикёру, необходимо в очередной раз признать, что право осуществляется в пространстве языка. Однако, современный языковой дискурс претендует на свободу и плюрализм, в то время как юридический приговор, необратимо решая человеческие судьбы, требует строгой однозначности. Дискурс – затянувшийся кризис, трансгрессия смыслов. Приговор – необратимый конец, финал и кульминация интриги. Синергетическая логика открытого дискурса – против диалектической логики номологического повествования.

Формализм конституализированного права (буквы закона) сюжетно и конъюнктурно обуславливает приоритетность тех или иных участников правового дискурса, тем самым предопределяя его финал – легитимный приговор. Однако, легитимность гораздо уже справедливости, поэтому удовлетворение требований справедливости не исчерпывается вынесением обвинительного или оправдательного приговора. Часто значение и знак не совпадают. Правовой комментарий в форме лицензированной критики умертвляет значение факта, который комментируется. И напротив, некомментируемая фрагментарная подробность делает этот мир неполным, чем активизирует сознание интерпретатора, открывает его горизонт понимания. По мнению М. Рыклина, это и есть модель современного мира становления – мира, лишённого имени собственного, мира кустящейся идентичности, автономизированного мира коммуникации [7,с.179].

Вывод. Очевидно, что текстуальные артикуляции задают тропологию правового метатекста. Однако, закон есть концепт. И в поле юридического нарратива закон выполняет роль незыблемой меры справедливости, несмотря на очевидную её относительность. Закон служит антиподом динамической природе правового дискурса. Таким образом, реактивная динамика современной социально-правовой реальности находит удачное отражение в семиотике интертекстуальных построений. Однако, синергия множества смыслов неизбежно влечёт стабилизирующее аттракторное состояние законности (диссипативную структуру) – в чём и заключена тропология правового нарратива – тяготение к порядку. Сам же механизм формирования метаправового пространства через нарративный дискурс следует расценивать как шаг на пути к либерализации и гибкости права.

Список использованных источников

1. Деррида Ж. Различение // Ж. Деррида. Голос и феномен: [Пер. с фр.] – СПб.: Алетейя, 1999. – С.168-208.

2. Левинас Э. Диахрония и репрезентация / Э. Левинас: [Пер. с фр.] // *Интенциональность и текстуальность: Философская мысль Франции XX века.* – Томск: Водолей, 1998. – С.110-162.
3. Подорога В. А. Навязчивость взгляда: М. Фуко и живопись / В. А. Подорога // *М. Фуко Это не трубка.* – М.: Худож. журн., 1998. – С. 83-138.
4. Барт Р. Мифологии / Р. Барт: [Пер. с фр.] – М.: Изд-во Сабашниковых, 2000. – 320 с.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин: [Пер. с нем.] // *Озарения.* – М.: Мартис, 2000. – С.122-152.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр: [Пер. с фр.] – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
7. Рыклин М. Изнанка метафоры / М. Рыклин // *Террорологиики.* – Тарту: Эйдос, 1992. – С.176-185.

Melyakova J.V.

The features construction of modern legal discourse

Methodological difficulties of implementing legal regulation of self-organizing autonomized bodies (society, discourse, narrative, any information space) were analyzed. Legal narrative was studied within the framework of tropological theory of discourse. The expediency of departing from deductive-nomological narration and explanation of law toward discursive transgression of legal meanings was substantiated. The search of consensus of justice and legality takes place in the area of legal speech and text.

Keywords: *narrative discourse, metalaw, dynamism of law, corporality of law, inter-textuality, semantics of meaning-formation.*

Мелякова Ю.В.

Особенности построения современного правового дискурса

Проанализированы методологические трудности осуществления правовой регуляции самоорганизующихся автономизированных структур (общества, дискурса, нарратива, любого типа информационного пространства). Правовой нарратив исследуется в рамках тропологической теории дискурса. Обосновывается целесообразность отхода от дедуктивно-номологического повествования и объяснения права в сторону дискурсивной трансгрессии правовых смыслов. Поиск консенсуса справедливости и законности происходит в области юридических речи и текста.

Ключевые слова: *нарративный дискурс, метаправо, динамизм права, телесность права, интертекстуальность, семантика смыслообразования.*